

скими а даспехи татарскими. Возгримели мечи буйныя а бы шеломы бесурменския на поли Куликове на реце Непродене.

Черная земля под копытами под костми татарскими носити кровю земля. Силныя волцы¹ изступишася в место, протекоша лугы и холмы кровию. Возмутишася реки и потоки езора. Кликнула диво по всим землям руским, велит грозна послушати. Шибла слава к мору и к Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Ру^сь поганых одалеша.

На поли (л. 40) Куликове тучи силныя изступишася, а вид ни^х сияли силныя великия молныя, гримит гром силный. Та ти изступишася сынове руския с погаными татары за свои обиды. А в них же сияли золотыя доспехи, гремели князей руских доспехи и хечи² булатныя и обышаки московския. И билися из утра до полудня в субботу на рожество святыя богородица месяца сентебра во 8 ден.

Не турове рано возрули на поли <Кули>кове, возрули воеводы силныя бояре великаго князя Дмитрея Ивановича, вои и князя белоозерстии, побитыи и посеченыи от паганых татар: Федор Семенович, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович, Семен Михайлович, Микула Василевич, Тимофей Волеу^вичь, иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна.

Пресвета черница б^ранского боярина привели на судное место. Говорит Пересвет чернецъ великому князю Дмитрию Ивановичу: Государь князь Дмитрей Иванович, лучжи ш бы нам, господине, посеченым быти, нижли полоненым быти от паганых татар. То ж де Пересвет чернецъ по-скакивает на своем борздом кони, золотым доспехом посвещаючи. А многая иная дружина лежит у великом Дону побита и постреляна. И рече: Добре тут, брате, стару помолодети, а молодому чести добыти, плечи св^оих испытати. (л. 40 об.) Говорит Услабо чернецъ брату своему Пересвету чер^нцу: Брате Якове, вижу на телѣ твоём многия раны, пасти главе твоей на траву ковылу, брате чадо Якове, на зелену ковылу за землю рускую и за обиду великаго князя Дмитрея и за брата его князя Володимера Ондреевича.

В тоя ж время по Резанской земли ни ратой ни постух не покличет, но толко часто вороны играют, трупы человеческого чают. Сего ради грозно жалосно видети крови християнское, зонѣжъ трава кровю полита, а дресеса тугами приклонишася до земли. Воспели птицы жалостными песнями, восплакали кнегини и бояр^ыни избивенных мужей, Микулина жена Маря рано плакаше у Москве града на заборолех, а рекучы такъ: Доне, Доне, быстрая река, прорыла ест каменья горы, течешы в землю полонецкую, прилелей моего господаря ко мне Микулу Василевича. Тимохвеева жена Настася тако ж плакашася рано, а рекучы: Ужо веселие мое пониче у славном городе Москве. Уже государя моего Тимохвеева в животе не вижу. Анѣдреева жена Маря да Михайлава жена Оксинья

¹ полци

² мечи